

Ранней весной, когда зимний снег уже растаял, в столице, в Переулке Сверкающего Снега, кто-то с раннего утра громко стучал в дверь дома семьи Ли.

— Хозяин Ли! Скорее идите посмотрите, в вашем ресторане опять проблемы!

Ли Цзючжоу уже сбился со счета, сколько раз его вытаскивали из объятий Морфея, чтобы решать проблемы в ресторане.

С тех пор, как его старшего брата понизили в должности и отправили служить на границу, их спокойная и размеренная жизнь, казалось, тоже развеялась как дым.

Покорно одевшись, Ли Цзючжоу повернулся к жене Чжоу Чжэньнян и сказал:

— Если Сяюй проснется и спросит, куда я ушел, скажи, что я пошел купить ему что-нибудь вкусненькое. Не нужно, чтобы он беспокоился об этих домашних неурядицах.

— Я знаю, иди скорее, — с некоторым беспокойством ответила Чжоу Чжэньнян. — И сам будь осторожен, не дай себя обидеть.

— Да, знаю.

Ли Цзючжоу отозвался и вышел за дверь, чтобы вместе с пришедшим отправиться в ресторан.

Ли Сяюй, услышав, как открылась и закрылась входная дверь, лёжа в постели, беспомощно вздохнул.

Когда появились новости о понижении в должности дяди, он уже мог предвидеть, что будет с семейным рестораном. Особенно учитывая, что ресторан находился в столице, где земля на вес золота. Без покровительства он ничем не отличался от золота и серебра, упавшего на землю, — каждый хотел его подобрать.

Сегодня это был уже десятый раз, как с начала весны возникали проблемы.

Перед отъездом дядя велел ему, что если ресторан не выдержит, то нужно скорее уговорить родителей покинуть столицу и вернуться на родину, чтобы обустроиться там.

Ли Сяюй прикинул, что если подождать ещё немного, то, скорее всего, терпение отца лопнет.

Если поднять этот вопрос тогда, вероятность того, что отец согласится, будет выше.

Ли Сяюй, немного обеспокоенный, перевернулся на другой бок, обнимая мягкую круглую

подушку и смотря в пустоту.

Он не понимал, о чем думал дядя, поручая ему начать этот разговор. Если бы об этом заговорила мать, отец, наверное, уже давно закрыл бы ресторан и вернулся бы на родину.

Эх.

Повздыхав немного, Ли Сяюй не смог заснуть, и, устав лежать, решил просто встать.

Ли Цзючжоу был выходцем из бедной семьи. Если бы не его старший брат, который в своё время сдал государственные экзамены и смог изменить социальное положение семьи, он бы до сих пор был крестьянином, изо дня в день тяжело работая в поле.

Именно из-за своего происхождения Ли Цзючжоу очень не любил нанимать прислугу.

После переезда в столицу их собственный дом был не очень большим, но достаточным для семьи из трех человек. Он нанял двух служанок в агентстве по найму: одну для стирки и приготовления пищи, а другую для уборки двора.

Ли Сяюй пошел на кухню за горячей водой, чтобы умыться, поел приготовленную служанкой Ван еду, которую она оставила томиться в горшке, чтобы она оставалась теплой, и отправился в главную комнату к матери.

Войдя, он обнаружил, что там кто-то есть — это была Тётушка Ся, соседка, и её четырёхлетний внук.

Ли Сяюй часто ходил по дому с тетрадкой в руках, его родители не умели читать и не знали, что он там пишет.

У него была одна плохая привычка — он любил бросать тетрадь где попало, а потом не мог её найти.

Чжоу Чжэньнян попросила кого-то сделать несколько маленьких шкафчиков и поставить их в тех местах, где Ли Сяюй часто бывал.

Она велела служанке, которая занималась уборкой, обращать на это внимание: как только она увидит, что Ли Сяюй где-то оставил тетрадь, нужно сразу убрать её в ближайший шкафчик.

В этот момент внук Тётушки Ся рылся в шкафчике с тетрадками.

Большинство тетрадок из шкафчика уже валялись на полу.

Чжоу Чжэньнян разговаривала, но краем глаза заметила что-то неладное, остановила разговор и поспешно вмешалась:

— Ой, Юаньбао, нельзя трогать эти тетрадки, это вещи братика!

Юаньбао замер, Тётушка Ся со смехом сказала:

— Дети такие шалуны, он просто считает это интересным, хочет посмотреть. Это же не хрупкие вещи, ничего страшного.

Затем в комнате раздался отчетливый звук разрывающейся бумаги.

Взгляд Тётушки Ся упал на лист бумаги, оторванный Юаньбао.

— Ты зачем её порвал?! Вот непослушный! — сделала она внуку выговор.

Затем она повернулась к Чжоу Чжэньнян и сказала:

— Извини, ребенок и правда слишком непослушный. Это не какие-то ценные древние книги?

— Нет, это просто тетрадки, в которых мой Сяюй обычно пишет.

Чжоу Чжэньнян хотела еще что-то сказать, но Тётушка Ся, смеясь, перебила её:

— Тогда ничего страшного, я потом принесу пачку бумаги в качестве извинения. У твоего Сяюя хороший характер, он самый добрый молодой господин, он не будет сердиться на Юаньбао.

Юаньбао все еще размахивал руками, продолжая рвать бумагу. Из-за слов Тётушки Ся Чжоу Чжэньнян не знала, что делать.

С одной стороны, она думала, что плохо, что вещи Сяюя так порваны, а с другой стороны, считала, что это все Сяюй сам разбросал, и, наверное, это неважные вещи.

Не стоило портить отношения с соседями из-за этого, нарушая мир и согласие.

И Тётушка Ся была права, у Сяюй действительно был самый лучший характер, и, похоже, он не хотел бы раздувать ненужные споры.

Чжоу Чжэньнян слегка нахмурилась и не очень строго сказала Юаньбао:

— Можешь порвать только эту тетрадку, следующую уже нельзя.

Тётушка Ся рассмеялась:

— Чего бояться, если что, я принесу еще пачку бумаги!

— О, Сяююй пришел!

Сказав это, Тётушка Ся увидела Ли Сяююя, стоявшего в дверях, и радостно окликнула его.

Ли Сяююй взглянул на Юаньбао — этот маленький негодяй все еще отчаянно рвал бумагу, пытаясь дотянуться до второй тетрадки.

— Сяююй.

Чжоу Чжэньнян, увидев сына, почувствовала себя немного неловко и позвала его, несколько раз бросив взгляд в сторону Юаньбао.

Ли Сяююй слегка покачал головой, глядя на мать, и с мягкой улыбкой успокоил её, чтобы она не обращала внимания.

Чжоу Чжэньнян, видя, что Сяююй действительно не возражает, вздохнула с облегчением.

Ли Сяююй обратился к Тётушке Ся:

— Здравствуйте, Тётушка Ся. Тётушка и мама, наверное, хотят поговорить, может быть, я возьму братика Юаньбао погулять, куплю ему сахарные леденцы? Тогда тётушка и мама смогут спокойно поболтать.

Тётушка Ся, услышав это, широко улыбнулась, посмотрела на Чжоу Чжэньнян и с восхищением сказала:

— Я же говорила, что у тебя Сяююй с хорошим характером, ни у кого нет такого хорошего молодого господина, как Сяююй. Тебе повезло.

Услышав похвалу в адрес своего ребенка, Чжоу Чжэньнян, конечно же, обрадовалась, и на ее лице появилась улыбка.

Юаньбао, услышав про сахарные леденцы, перестал рвать бумагу, встал, упершись руками в пол и выставив попу:

— Бабушка, я хочу сахарные леденцы! Пусть Сяоюй купит мне сахарные леденцы!

Тётушка Ся притворно рассердилась:

— Нужно называть его братик Сяоюй, не будь невежливым.

Юаньбао задиристо поднял голову и ничего не ответил. Ли Сяоюй протянул руку, чтобы погладить ребенка по голове, но тот замотал головой, уворачиваясь, и даже посмотрел на Ли Сяоюя с вызовом.

Ли Сяоюй тихо рассмеялся, убрал руку и сказал Тётушке Ся:

— Ничего страшного, тётушка, как называть — это неважно, я не обращаю внимания. Я сейчас отведу Юаньбао погулять.

— Хорошо, идите.

Тётушка Ся махнула рукой, и Ли Сяоюй вывел Юаньбао из двора.

<http://bllate.org/book/14262/1261437>